

Уроки немецкого 2.0

*«Покинутая комната», инсталляция памяти
депортированных евреев Берлина*

Каждому народу — свои заморочки. Немцы помешаны на прозрачности, символизирующей открытость политики ФРГ. Поэтому туристы, гуляющие по внутреннему пандусу восстановленного прозрачного купола Рейхстага, могут наблюдать в прямом смысле этого слова под ногами (пол тоже прозрачный) заседание Бундестага.

Скромный зал далек от бордовой помпезности Верховной Рады, а беспонтовые депутаты не в пример беднее наших избранников — шутка сказать, аж у четырех парламентариев дополнительные доходы превысили 250 000 евро в год. Бюргеры обеспокоены. Через дорогу — прозрачное и не лишенное изящества здание ведомства федерального канцлера, где 450 сотрудников в своих кабинетах с прозрачными же стенами трудятся во имя новой Германии.

Чудят? Перегибают палку? Безусловно, но именно эти «перегибы» позволяют преодолеть социал-националистическое и отчасти коммунистическое прошлое — преодолеть, а не замести под ковер, демонстративно потоптавшись на нем для виду. Об этом преодолении, в частности, шла речь на семинаре для украинских журналистов, организованном Домом Ванзейской конференции и Еврейским фондом Украины.

Факты бессмысленны вне контекста, поэтому главный феномен Холокоста — не в технологии *endlosung* — она как раз досконально исследована. Вопрос в другом — как нацизму удалось обаять гражданское общество Веймарской республики — одно из наиболее «продвинутых» и интеллектуально свободных в тогдашней Европе. Знаю-знаю, несправедливость Версальского договора, массовая безработица и т.п. Фрагментарно и неубедительно. Политическими

и экономическими неурядицами (у кого их не было?) не объяснить, как в считанные годы Зло (а нацизм был Злом — как на программном, так и практическом уровнях) в глазах миллионов немцев перестало быть таковым и даже сменило свой знак на противоположный. А впрочем, не наблюдаем ли мы сегодня отголоски аналогичных процессов в соседней державе? С ее не менее грамотным и политически подкованным, чем в Германии, населением.

Элита, спросите вы? Свободная пресса, интеллектуалы, мастера культуры — не могли же они ослепнуть или исчезнуть в день прихода Гитлера к власти? Да, многие из этих интеллектуалов были вынуждены покинуть Германию, кто-то ушел во «внутреннюю эмиграцию», а часть, как подчеркивает организатор семинара д-р Вольф Кайзер, приветствовала идеи национал-социализма, хотя впоследствии и разочаровалась в них. Среди них поэт-экспрессионист Готфрид Бенн — один из наиболее известных литераторов того времени, проживший 103 года писатель и мыслитель Эрнст Юнгер и, разумеется, философ Мартин Хайдеггер, которого, впрочем, я бы не назвал «разочарованным». Этот любимый ученик еврея Гуссерля, не пришедший даже на его похороны, и любимый учитель (и любовник) еврейки Ханны Арендт с удовольствием занял в 1933-м пост ректора знаменитого университета во Фрайбурге. И, говорят, не расстался со значком члена НСДАП вплоть до своей смерти в 1976-м.

Свободные СМИ? О да, такие были в Германии — к концу 1932 года в стране насчитывалось 4700 газет самой разной направленности, общий ежемесячный тираж которых превышал миллиард экземпляров! Кстати, тираж антисемитского *Der Shturmer* в 1933-м ограничивался скромными 25 000 экз. Через два года эта цифра выросла почти до полумиллиона. «Движущая сила, из которой национал-социалисты черпают энергию, создана в огромной части из подлейшего и ничтожнейшего из всех инстинктов — из антисемитизма. Это свидетельствует о том, как чудовищно они пренебрегают духовностью нашего народа, пытаясь завоевать его доверие с помощью антисемитизма, — писала 31 января 1933 года *Frankfurter Zeitung*. И уверенно резюмировала: ...Нам кажется вполне сомнительным, что количество приверженцев г-на Гитлера, как он заявляет, возрастет. Даже учитывая политические успехи г-на Гитлера, мы не можем в это поверить». Им пришлось поверить. Причем очень скоро. Во многом потому, что немецкое общество захотело поверить в то, что слышало.

16 млн радиоприемников в частном владении насчитывалось в 1941-м году в Германии — это не сталинский СССР с его тарелками на телеграфных столбах и «Правдой» как единственными источниками информации. Программы немецкой службы BBC начались 29 марта 1938 года, но много ли немцев слушали «западные голоса», даже имея такую возможность? Ответ очевиден. Стоит ли после этого удивляться, что большинство россиян сегодня предпочитают федеральные каналы относительно свободным Интернет-СМИ?

Сложно упрекнуть немецких евреев, не раскусивших вовремя нацистскую идеологию, в близорукости. Они так же, как и большинство немцев, говоря словами *Frankfurter Zeitung*, просто «не могли в это поверить». «...Мы никоим образом не думаем, что с доставшейся им властью г-н Гитлер и его друзья начнут действовать по рецептам «Ангрифф» и «Фолькишер Беобахтер» и в короткое время немецких евреев лишат их конституционных прав, запрут в расовом гетто или бросят на разграбление и растерзание плебсу, чтобы удовлетворить его инстинкты, — отмечалось в передовице *Der Israelit* спустя три дня после прихода нацистов к власти. — ...Их власть зависима и ограничена разными силовыми структурами — от Рейхспрезидента до соседних партий...». Вполне логично. Но, во-первых, ограниченная власть при умелой пропаганде и поддержке народа легко становится неограниченной, во-вторых, Гитлер был по-своему честным человеком (точнее, нелюдем) и еще в

1919 году писал о том, что «последней целью должно быть полное устранение евреев». Проще, конечно, обвинить его в безумии, но если он и был сумасшедшим, то очень последовательным. Где она вообще — грань между блефом и реальностью? Разве три месяца назад возможная оккупация Крыма не казалась нам ненаучной фантастикой?

Не уверен (при всем уважении к таким попыткам), что кто-то сегодня в Германии может объяснить не как, а почему с немцами (именно с немцами!) случилось то, что случилось. Но на каждом шагу убеждаешься, что общество сделало все, чтобы это произошло в последний раз. Очереди в Еврейский музей Берлина или Мемориал памяти жертв Холокоста — причем, не из скучающих школьников, пригнанных учителями на обязательную экскурсию; так называемые «камни преткновения» — приобретенные на деньги жильцов и вмонтированные в мостовую латунные блоки с именами бывших соседей, депортированных в годы национал-социализма; сорванные местными жителями плакаты ультраправой Национал-демократической партии Германии — наследницы НСДАП и прочая, и прочая. С табличками на фонарных столбах в Баварском квартале Берлина вроде «Еврейским детям запрещено играть с арийскими» или «Если работник немецкой почты женится на еврейке, он должен уйти в отставку» и другими цитатами из Нюрнбергских законов вообще произошла курьезная история. Они тоже были установлены по инициативе и на средства жильцов — в назидание молодому поколению и как иллюстрация бредовости расовой теории, но бдительные сограждане сочли это антисемитским актом и обратились в полицию. После того, как ситуация разъяснилась, таблички дополнили поясняющими надписями.

Так было не всегда. После войны обе Германии избавлялись от тяжелого прошлого весьма своеобразно — предпочитая о нем не вспоминать. В ГДР антифашистская риторика использовалась в утилитарно-политических целях (вам это ничего не напоминает?). Даже Берлинская стена называлась «антифашистским защитным валом». Статус «борца против фашизма» присваивался лишь тем, чью кандидатуру одобряла компартия — СЕПГ. При этом нацистские преступники (включая членов СС) не просто преспокойно доживали свое в социалистической Германии, но и делали завидные карьеры. Так, например, не последний чин в концлагере Заксенхаузен, эсесовец Эрнст Гроссман, после войны вошел в ЦК СЕПГ. А обершарфюрер СА, в годы войны — полковник и участник Сталинградской битвы Вильгельм Адам, долгие годы

был депутатом Народной палаты ГДР, выйдя в отставку в 1977-м в чине генерал-майора. Кстати, крематорий в том же Заксенхаузене был взорван в 1953-м — чтобы не мозолил глаза, а в домиках для семей эсесовцев, окружавших лагерь, до сих пор живут потомки офицеров Народной армии ГДР — до 1990-х здесь располагалась военная часть.

В Федеративной республике дела обстояли не лучше. Один из авторов Нюрнбергских законов Ганс Глобке стал в 1953-м главой канцелярии канцлера Аденауэра, а палач Варшавского восстания группенфюрер СС Хайнц Райнефарт успел побывать и мэром города Вестерланд, и депутатом ландтага земли Шлезвиг-Гольштейн. Правда, «окончательное решение» на Западе стало предметом публичного о(б)суждения намного раньше, чем на Востоке. В январе 1979-го телевидение ФРГ показало четырехсерийный телевизионный фильм «Холокост», рейтинг которого достиг 41%, то есть более 20 млн зрителей посмотрели хотя бы одну из серий.

Путь к катарсису долог, собственно, он еще не пройден. Так, одним из последних утесов, за который многие немцы пытались спрятать совесть и стыд за дедушек/бабушек, стал разрушаемый ныне миф о том, что «у них не было выбора» и «приказ есть приказ». Лишь в последние годы громко заговорили о том, что не только СС, но и солдаты вермахта совершали преступления против человечности, от которых могли легко отказаться, — в 99% случаев это не влекло за собой никакого наказания! Сам Гиммлер считал, что расстрел женщин и детей слишком тяжелая работа, чтобы каждый мог с ней справиться, поэтому солдата или офицера, не выполнившего в прямом смысле убийственный приказ, обычно оставляли в покое. «Отказников» было немного. Редактор Frankfurter Zeitung сильно преувеличивал «духовность» своего народа — за считанные годы власть превратила его в биомассу, ведь еще Хрустальная ночь в 1938-м не оправдала ожиданий нацистов — требовалось еще 2-3 года, чтобы обыватель созрел...

Десятилетия прошли, — говорит историк Иван Кульнев, — прежде чем немцы решились на мужественный поступок — скомкав свое реальное и мнимое величие, они зашвырнули его куда подальше. Сегодня даже упоминание о Гете не сопровождается непременно «великий». Произошла подлинная перезагрузка системы с сохранением базовых параметров. Характерно, что рейтинг Гете при этом ничуть не упал.

Общество же только выиграло — Германия на сегодняшний день, бесспорно, ведущая страна Европы, а Берлин — одна из наиболее динамичных мировых столиц. Очень многоликая и плюралистичная — тут и клацающая затворами фотоаппаратов Унтер ден Линден, и буржуазно-безмятежный Шарлоттенбург, витринная Курфюрстендам, хиппующий Хакешер маркт и застегнутая на все пуговицы военного френча Карл Маркс-аллее (бывший бульвар Сталина). Наглядная иллюстрация того, что национальная гордость не обязательно питается патриотическим экстазом и навязчивой идеей «собирания земель». Если у нее есть, конечно, другие источники пропитания.

Михаил Гольд, Берлин — Киев